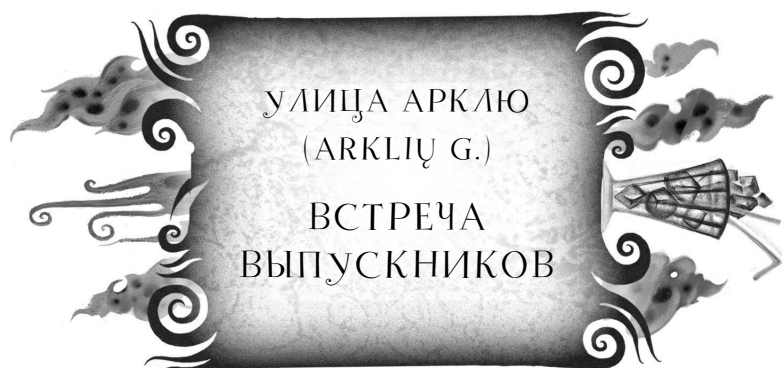

ОГЛАВЛЕНИЕ

Улица Арклю (Arklių g.)	
Встреча выпускников	7
Улица Аугустиону (Augustijonų g.)	
Билет и чемодан	30
Переулок Балтасис (Baltasis skg.)	
Дело в шляпе	45
Улица Бенедиктину (Benediktinų g.)	
Кайпиринья сердца	60
Улица Волано (A. Volano g.)	
Культурная миссия	87
Площадь Дауканто (S. Daukanto a.)	
Я или ночь	92
Улица Ишганитойо (Išganytojo g.)	
Дурацкие зеркала	105
Улица Кедайню (Kėdainių g.)	
Требуется чудовище	133
Переулок Крейвасис (Kreivasis skg.)	
Темнее, чем просто тьма	160
Улица Круопу (Kruopų g.)	
Заверните, беру	175
Улица Лейиклос (Liejyklos g.)	
Площадь Восемидесяти	
Тоскующих Мостов	198

Улица Лидос (Lydos g.)	
Белые стволы, алые стены.....	221
Улица Плачойи (Plačioji g.)	
1 + 1	241
Улица Расу (Rasų g.)	
А вы как хотите	253
Улица Страздеде (A. Strazdelio g.)	
Мне нравится эта девочка.....	286
Улица Театро (Teatro g.)	
Вредные привычки.....	306
Улица Шварцо (Švarco g.)	
Чье чудовище прекрасней	340
Улица Швентараге (Šventaragio g.)	
Строительный материал	352
Улица Швенто Двасес (Šv. Dvasios g.)	
Открытый финал	376
Улица Швенто Микалояус (Šv. Mikalojaus g.)	
Позвоните Барбаре	395
Переулок Шилтадарже (Šiltadaržio skg.)	
Это делается так	411
Улица Шяулю (Šiaulių g.)	
Третья сторона	423

Когда Юстас вышел на платформу, часы на табло показывали 22:22. Но Юстас не обратил внимания на красивое совпадение, только с легкой досадой отметил, что наверняка прибыл раньше всех. Еще даже темнеть не начало.

«Интересно, — насмешливо подумал он, — откуда я приехал?» Судя по новенькой табличке на ярко-красном вагоне, который он только что покинул, выходило, что из Минска. Ладно, предположим. Пусть так.

Юстас пошел было к выходу, но, сделав несколько шагов, остановился, сообразив, что ему, как и остальным пассажирам, предстоит проверка документов. Это было совершенно некстати: с официальными документами у Юстаса не ладилось еще со студенческих времен. Казалось бы, что может быть проще, чем паспорт? Однако Юстас ухитрился перепутать не только цвет обложки, но даже размер документа. Не говоря уже о фантастических датах рождения и именах, появившихся по его прихоти в соответствующей графе. Гагуумап Быргуран, Ойтоёлки Маняня Трупадируаль, Виндермурмуний Сусипусиански, Ключтойопи Увертюрингс Дыдымц — эти и другие новаторские находки Юстаса неизменно

веселили его друзей, но нервы сотрудников пограничной службы все-таки следовало поберечь.

Нет уж, ну его к черту, — решил Юстас.

Огляделся по сторонам. Народу, конечно, полно, но все бегом устремились к выходу, чтобы оказаться первыми в очереди на паспортный контроль. Вот и хорошо.

Секунду спустя никакого Юстаса на платформе не было, а порыв теплого летнего ветра подхватил разноцветный конфетный фантик и понес его в сторону вокзальной площади, где томились в ожидании клиентов ушлые виленские таксисты.

Бьянка вошла в город пешком, со стороны Утены. Одета она была в алое вечернее платье, состоявшее в основном из вырезов и разрезов, однако за спиной у нее болтался большой походный рюкзак, а белокурую голову украшал венок из крупных лиловых чертополохов, сезон цветения которых, строго говоря, еще не наступил.

Она шла так легко и стремительно, словно была обута в удобные кеды, а не в босоножки на высоченных каблуках. Но факт остается фактом: на ногах Бьянки были блестящие ярко-красные босоножки, подходящие скорее для триумфального выступления в стриптиз-клубе, чем для долгих прогулок. Впрочем, приглядевшись, внимательный наблюдатель заметил бы, что идет она, не касаясь земли.

Однако наблюдателей вокруг не было — ни внимательных, ни рассеянных, вообще никаких. В ночь с воскресенья на понедельник даже центр города почти вымирает, об окраинах нечего и говорить. Очень удачно все-таки назначили день встречи. Можно не особо тщательно придерживаться правил поведения в населенном пункте и все равно никого не напугать.

* * *

Форнеус вообще никуда не приезжал и не приходил, просто внезапно обнаружил себя в холле какого-то ресторана; так, сходу, и не сообразишь, то ли собрался зайти, то ли наоборот, выйти. Его сомнения разрешил официант, сочувственно сообщивший: «Извините, мы уже закрываемся».

Форнеус равнодушно пожал плечами — дескать, ладно, как скажете. И вышел на улицу, где стояла такая сладкая, теплая летняя ночь, насквозь пропитанная хмельным ароматом цветущих лип и речных водорослей, что он невольно задался вопросом: почему я так долго сюда не возвращался? Ах, ну да, нам же нельзя.

Ладно, неважно. Главное, что сегодня я здесь.

Покосился на свое отражение в витринном стекле, чуть не расхохотался вслух от неожиданности: ну и вид у меня! Лысый коротышка с оттопыренными ушами, в очках с такими толстыми стеклами, что глаза за ними кажутся бледными кляксами голубого туманного киселя. Настоящий герой-любовник, ничего не скажешь. Умею я все-таки наряжаться на вечеринки. Как мало кто.

Прежде чем припарковаться, Сибилла некоторое время внимательно разглядывала синюю табличку с правилами стоянки, наконец сообразила, что изображенные рядом с символическими монетами римские цифры I—VI означают, что по воскресеньям стоянка бесплатная. А сегодня и есть воскресенье. И быть ему воскресеньем еще примерно полчаса. Не то чтобы это было действительно важно, но Сибилла старалась

никогда не нарушать правила по мелочам, тем более, случайно, по недосмотру. Недостойное поведение. Если уж нарушать правила, то осознанно и по-крупному. В этом, по крайней мере, есть шик.

Ключ оставила в замке зажигания — если кто-то захочет воспользоваться, на здоровье. Если воришке крупно повезет, этот роскошный, золотой, как сны Индианы Джонса, автомобиль сохранит свою соблазнительную форму аж до рассвета. А во что он превратится потом, — злорадно усмехнулась Сибилла, — даже мне лучше не знать.

Ярко-желтый чемодан очень удивился, когда его сняли с транспортера. Это что вообще творится? Какое наглое похищение! Я не ваш! Я вообще ничей!

Но недоразумение тут же разрешилось, звонкий девичий голос сказал: «Ой! Это не мой. Надо же, я думала, желтых больше ни у кого нет».

Однако обратно на транспортер обладательница звонкого голоса чемодан не вернула, просто поставила на пол.

Быть чемоданом, стоящим на полу, оказалось чертовски скучно. Я так не играю! — окончательно обиделась Аглая. Превратилась в полную даму средних лет с двумя увесистыми кошелками и тяжело, вперевалку пошла к выходу. Конечно, нехорошо проделывать такие фокусы на глазах у посторонних людей. Но, во-первых, им сейчас не до того, плятятся на транспортеры в ожидании своего багажа. А во-вторых, сами виноваты. Не дали мне покататься! — возмущенно думала она.

Кошелки Аглая бросила прямо у входа в зал прибытия, притворившись, что отошла на минутку, посмотреть

автобусное расписание. Удачный элемент выбранного образа, кто бы спорил. Но таскаться с ними по городу — нет уж, увольте! Еще чего.

Некоторое время Джидду с интересом разглядывал свои руки — большие, как у кузнеца, в черных бархатных перчатках. На мизинце левой красовался массивный перстень, роль самоцвета исполняла розовая граненая пробка от стеклянного графина. Такой отлично выглядел бы на театральной сцене — если, конечно, смотреть откуда-нибудь из ложи, а не из первых рядов.

Впрочем, когда ты пассажир последнего ночного троллейбуса, направляющегося в депо, а одет при этом в атласную пижамную куртку, велосипедные шорты и шляпу пчеловода с сеткой-вуалью, не стоит, наверное, излишне придирааться к своим ювелирным украшениям. Как мог, так себя и украсил. Скажите спасибо, что не повесил на шею ожерелье из кроличьих черепов.

Счастье, что троллейбус был совершенно пуст. Или, наоборот, досадно? В глубине души Джидду сознавал, что, конечно, второе. Надо же, остался совершенно таким же дураком, каким был в студенческие времена! И вот это как раз почему-то чертовски приятно. Совершенно от себя не ожидал.

Джидду покинул троллейбус на первой же остановке; оглядевшись, понял, что это следовало бы сделать гораздо раньше, отсюда обратно в центр идти и идти. Эх, — вздохнул он, — значит, как всегда, опоздаю. То есть можно, конечно, стремительно к ним прилететь, но для этого придется утратить текущий облик, а он уж очень хорош. Обидно, если ребята не увидят мой новый фамильный перстень. Лучше уж опоздать.

* * *

— Почему Стефан разрешил им устроить вечеринку прямо в кукольном театре, вот чего я никогда не пойму, — сказал Альгирдас.

— Ну а где еще? — пожала плечами Таня. — Здесь отличный мрачный подвал*, специально оборудованный для развлечения младенцев. Им там самое место.

— Ну тоже правда, — невольно улыбнулся Альгирдас. Но тут же снова нахмурился: — Однако с какой радости присматривать за этой бандой развеселых наваждений он отправил именно нас? Да еще и наяву. Вроде бы ничего ужасного мы с тобой в последнее время не натворили. Наоборот, накрыли шайку отравителей грез, предотвратили свыше десятка покушений на целостность сознания сновидцев и добились практически стопроцентной эффективности профилактических бесед при транстопографической миграции негативных онейрологических образов**, по крайней мере, после Казюкаса*** ни одного рецидива. А как Большую Весеннюю Охоту провели — до сих пор вспоминать приятно! За такое, по-хорошему, внеочередную премию положено выписать, а не дополнительную головную боль.

* Вильнюсский кукольный театр «Lelė» занимает здание XVI века, владельцем которого был маршал Игнас Огинский. В так называемом «готическом» подвале здания сейчас находится Малый зал на 50 мест. Там обычно проводят театральные игры с марионетками для самых маленьких зрителей.

** Проще говоря, в случаях контрабанды кошмаров, т. е. созерцания страшных снов на территории города Вильнюса приезжими.

*** То есть с начала марта. Ярмарка Казюкас проводится в первые выходные этого месяца.

— Зато потом в отпуск, — мечтательно вздохнула Таня. — Вот прямо завтра с утра, сразу после окончания дежурства — отпуск, прикинь! Крепись, друг. Ты уже придумал, куда поедешь?

— Боюсь, после этого дежурства я уже никуда не поеду. А пойду. Пешком. Сдаваться в психушку.

— Не имеет смысла. Психушка — это наша суровая повседневность. На то и отпуск, чтобы хоть немного сменить обстановку. Лично у меня три любимые подружки чрезвычайно удачно поселились на трех разных морях, и я собираюсь навестить всех по очереди. А ты?

— У моего друга дом в Финляндии на берегу озера. В центре озера остров, а на острове ферма, где гонят и продают смородиновое вино. В жизни не пил ничего вкуснее, но важно даже не это, а что, выпив бутылку, спишь потом десять часов кряду без единого сновидения. Именно так я и представляю себе настоящий отпуск. Сейчас даже не верится, что послезавтра уже буду там.

— Будешь, куда ты денешься, — пообещала Таня, протягивая напарнику термос с условно горячим кофе. — Да не переживай ты, — добавила она, глядя на его скорбно насупленные брови. — Все будет нормально, увидишь. Подумаешь, какое великое горе — ежегодная встреча выпускников Граничной Академии Художественных Сновидений. Пережили же мы как-то их выпускной бал.

— Вот именно, «как-то», — язвительно согласился Альгирдас. — А что половина улиц тогда поменялась местами, а потом наотрез отказалась становиться на место, и пришлось спешно перерисовывать все существующие карты города и тайком подменять их везде, включая помойки и рюкзаки уже покинувших город туристов, так это, если тебя послушать, сущие пустяки.

— Да ладно тебе. Не нас же с тобой заставят все перечивать. И подменять, в случае чего, отправят молодежь.

И, помолчав, мечтательно добавила:

— А то я бы, пожалуй, такое нарисовала, что, чем исправлять, проще дружно уйти из города, забрав с собой кошек, детей, воробьев и герани, и больше никогда не вспоминать, что на этом месте когда-то был населенный пункт.

— Иногда, — усмехнулся Альгирдас, — ты рассуждаешь так, словно сама училась в этой чертовой художественной академии.

— На самом деле я бы очень хотела, — призналась Таня. — Но мне объяснили, что таких, как я, туда не принимают. В смысле настолько людей.

* * *

— Это сколько же лет мы не виделись с прошлого года? — взволнованно спрашивает Сибилла. Она вообще довольно сентиментальна, хотя глядя на любое из ее проявлений, не заподозришь. — Нет, правда, сколько? Я давным-давно сбилась со счета. Сто? Двадцать восемь? Шесть?

— Мне кажется, семнадцать, — отвечает Юстас, зачем-то поглядев на часы.

— Всего-то четыре года, — пожимает плечами Аглая. — Не о чем говорить.

— То ли семь, то ли восемь, — неуверенно хмурится Бьянка.

— Одиннадцать, — говорит лысый коротышка, в которого зачем-то превратился красавчик Форнеус.

— А по моим подсчетам выходит ровно тридцать, день в день, — улыбается Джидду. — Годы — это, конечно, субъективно; лично я всегда жадничал, старался прожить целую весну, а то и две подряд за какую-нибудь неделю,

но насчет того, что день в день, зуб даю. Выпускной тоже был перед самым солнцестоянием, с девятнадцатого на двадцатое, только тогда получилось с пятницы на субботу. И весь город тоже гулял, как будто бы в нашу честь, благо погода удалась не хуже сегодняшней. Я почему, собственно, точно помню: мне так понравилась эта наша последняя вечеринка, что не меньше тысячи раз ее прожил. И, наверное, именно поэтому не особо страдал от невозможности с вами повидаться: мне хватало воскресенных воспоминаний. Но теперь вижу вас наяву — насколько это вообще возможно, — и сразу ясно, как себя ни обманывай, а лицом к лицу несравнимо слаще.

— Ничего себе, тридцать лет за какой-то несчастный год! — восхищенно вздыхает Бьянка. — Да, ты и правда жадина!

— Ну и как, я с тех пор не слишком изменилась? — кокетливо спрашивает Аглая.

— До полной неузнаваемости, — притворно вздыхает Джидду. — За это время у тебя стало на три головы меньше, а той, что осталась, не хватает зазубренных клыков. В них таилось столько очарования!

— Ах ты засранец!.. — хохочет Аглая, грозит ему кулаком, но вместо того, чтобы драться, виснет на его шее. — Как же я все-таки по тебе соскучилась! — признается она.

— А по мне? — возмущенным нестройным хором спрашивают остальные четверо.

— Ну а как вы думаете? — спрашивает Аглая. И становится густым предрассветным туманом, сиреневым от внезапно нахлынувших чувств.

На самом деле туман — одна из самых удобных форм для дружеской встречи. Благо обнять за один присест